

КРИТИКА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Н. Е. Копосов

ЧТО ТАКОЕ КРИТИКА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК?*

Под социальными науками мы подразумеваем историю, социологию, антропологию, лингвистику, филологию, а также значительные разделы психологии, географии, юриспруденции, экономики и философии. Этот комплекс дисциплин нередко рассматривают как единое целое, хотя вопрос о том, в чем именно состоит его единство и где именно пролегает его граница, остается открытым (и, по нашему убеждению, несущественным). Множество самоназваний этого комплекса свидетельствует как об устойчивом ощущении его единства, так и о разнообразии его интерпретаций. В разные времена эти науки объединялись под именем исторических наук, моральных наук, наук о духе, наук о культуре, наук о человеке, социологии и, конечно же, социальных наук**. На фоне почти навязчивых попыток обосновать единство этого комплекса несколько теряется

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на семинаре «Критика социальных наук» в Санкт-Петербургском государственном университете в октябре 1996 г. В докладе была отчасти намечена программа этого семинара, отчасти охарактеризовано направление собственных исследований автора, посвященных ментальности историков. Последнее обстоятельство объясняет, в частности, почему большинство приводимых ниже примеров критики социальных наук касается прежде всего историографии. Однако все рассматриваемые здесь проблемы могут быть поставлены и на материале других социальных наук.

**О «моральных и политических науках (sciences morales et politiques)» говорили во Франции конца XVIII – начала XIX в., термин «моральные науки (moral sciences)» был распространен в Англии первой половины XIX в. Выражение «науки о духе» сегодня кажется исконно немецким, но оно возникло как перевод английского понятия «моральные Науки» (в немецком переводе «Системы логики» Милля в 1849 г.). С тех пор термин «науки о духе (Geisteswissenschaften)» получает распространение в Германии наряду с более традиционным выражением «исторические науки (historische Wissenschaften)». Термин «науки о культуре (Kulturwissenschaften)», нередко употреблявшийся в единственном числе, получает права гражданства в Германии в последние десятилетия прошлого века благодаря неокантианской теории культуры, постепенно (но не до конца) вытесняя формулу «науки о духе». Термин «социальная наука (science sociale)», впервые употребленный в единственном числе в знаменитом памфлете аббата Сийеса «Что такое третье сословие» в 1789 г., входит в обиход в период Директории. Под влиянием Огюста Конта он начинает употребляться взаимозаменяемо с термином «социология», и такое положение дел сохраняется еще при Дюркгейме. С конца прошлого века, однако, постепенно становится характерным употребление этого термина во множественном числе, ограничивающее амбиции социологии, равно как и формулы «науки о человеке (sciences de l'homme)», которая во Франции XX в. по крайней мере не менее распространена, чем формула «социальные науки».

Копосов Николай Евгеньевич (р. 1955) — кандидат исторических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Тел.: (812) 328-0682.

распространенное в основном в англоязычных странах противопоставление гуманитарных и социальных наук*, напоминающее о попытке обособить от традиционных гуманитарных исследований те их разделы, которые могли основываться на статистических методах. Из всех исторических самоназваний этого комплекса мы предпочитаем термин «социальные науки», прежде всего потому, что именно идея социального представляется нам главным инструментом анализа и вместе с тем — идеологическим посланием этих наук, следовательно, той нитью, которая связывает их с общей интеллектуальной эволюцией XX века.

Под критикой мы понимаем прежде всего изучение оснований. Именно в этом смысле слово «критика» употреблялось в кантианской традиции и, в частности, критическими философами истории, которые в известном смысле и были первыми критиками социальных наук. Впрочем, сами они формулировали свою задачу как критику исторического разума, и различие формулировок, конечно же, не случайно, хотя критика социальных наук — это, естественно, аллюзия на критику исторического разума. Если мы все же предпочитаем говорить именно о критике социальных наук, то, прежде всего, потому, что особого исторического разума, по нашему убеждению, не существует. Гипотеза исторического разума естественна, если считать, что между академическими дисциплинами и способностями сознания существует взаимно-однозначное соответствие. Но такое допущение в свою очередь предполагает изоморфность мира, разума и универсума, иными словами, представление о мире как об эманации Логоса. Если мы не склонны принимать эту онтологию, лучше воздержаться и от рассуждений об историческом разуме.

Сегодня мы скорее склонны апеллировать к иной онтологии, не к космосу, возникшему из последовательного развертывания разумной субстанции, но к хаосу, из которого в результате не вполне понятного саморазвития и случайного взаимодействия разнородных логик возникают локальные, незавершенные, частично открытые и причудливо пересекающиеся зоны упорядоченности, находящиеся в состоянии сложного динамического равновесия. Вероятно, эта онтология ничуть не лучше предыдущей, но именно такова картина мира современной науки.

Именно на этих метафизических допущениях основывается представление о науке как о культурной практике, которое пришло на смену пониманию ее как манифестации абсолютного разума. Но если мы считаем социальные (как и любые другие) науки исторически сложившимся комплексом правил поведения, естественно предположить, что в число интеллектуальных задач, которые ставят перед собой исследователи, вошли задачи самых различных типов, порожденные разными социокультурными контекстами, интеллектуальными традициями, условиями профессиональной деятельности и т.д., и что для решения

* Гуманитарные науки — формула возможная, но сравнительно редкая во французском языке (*sciences humaines*). В английском она выглядит как *humanities*, с очевидностью отсылая к ренессансной концепции *studia humanitatis*. В английских университетах, как известно, эта традиция удержалась особенно долго, и вместе с тем именно в англосаксонских (прежде всего, конечно, американских) социальных науках тенденция к преобразованию наук о человеке на основании количественных методов исследований по образцу естественных наук проявилась в начале XX в. с наибольшей полнотой.

этих задач исследователи мобилизуют различные ресурсы сознания. Умственная работа ученых предстает как разнообразие интеллектуальных процедур, а результат этой работы, наука, — как гетерогенный ансамбль, включающий неразрывно связанные между собой элементы разного происхождения — и, возможно, разного эпистемологического статуса. Поэтому любые генерализации касательно сущности той или иной науки малопродуктивны и, скорее, способны помешать эмпирическому исследованию. Однако именно к таким генерализациям подталкивает нас гипотеза исторического разума. Во всяком случае, исторически эта гипотеза связана именно с ними. Напротив, формула «критика социальных наук», как нам кажется, побуждает думать о предмете исследования как о многообразной культурной практике.

Второе принципиальное различие между критикой социальных наук и критикой исторического разума состоит в отношении к проблеме объективности познания. Программа критической философии истории состояла, как известно, в том, чтобы ответить на вопрос «Как возможна история?», иными словами, установить априорные условия исторического познания. Эта программа создавалась по аналогии с кантовской критикой чистого разума: Кант своим вопросом «Как возможна природа?» сосредоточил внимание на эпистемологическом обосновании естественных наук. В той или иной форме стремление эпистемологически обосновать социальные науки проявилось далеко за пределами критической философии истории в узком смысле слова. Оно было свойственно всему «поколению 1900 г.», поколению основателей социальных наук (которые при всем разнообразии теоретических ориентаций были тем не менее существенно затронуты влиянием общего кантианского умонастроения, свойственного академической среде второй половины прошлого века [1, с. 58]). Иными словами, речь идет не только о Дильтее, Зиммеле, Риккертe, Вебере, но и о Дюркгейме, Кроче и т.д.

Конечно, ответ, который эти авторы давали на вопрос о возможности социальных наук, был апологетичен и теоретичен. Они ограничивали свою задачу доказательством того, что социальные науки возможны, иными словами, в состоянии добывать объективное знание. Однако при доказательстве этого они исходили из конструктивистской гипотезы, т.е. из идеи о том, что научные факты являются конструктами сознания. Противоречие между критическим методом и стремлением доказать объективность науки оказывалось слишком глубоким, не говоря уже о том, что для всех названных мыслителей без исключения кантианская перспектива была отнюдь не единственной, а порой и далеко не главной теоретической ориентацией. Отчасти поэтому критический метод в руках критических философов истории оказался недостаточно эффективным. Их критика слишком часто оборачивалась апологией. Основания социальных наук они понимали именно как условия их объективности. Иначе говоря, их интересовали идеальные формы объективного духа. Еще раз переформулируя, можно сказать, что критические философы истории могли позволить себе задавать по-кантиански звучащие вопросы ровно в той мере, в какой для ответа на

них можно было рассчитывать на чуждые критической философии фигуры мысли, и прежде всего — на наследие Гегеля*.

Но это означает, что путь от трансцендентального эго вел не столько к погруженному в мир субъекту познания, сколько к растворению субъекта в мире, познающего сознания — в сознании вообще, к подмене самого понятия субъекта понятием культуры [1, с. 61–63; 7, с. 33–47]. Естественно поэтому, что реальные формы мышления, проявляющиеся в социальных науках, сравнительно мало привлекали внимание критических философов истории, так что, потратив немалые усилия для того, чтобы доказать существование априорных условий исторического разума, они мало конкретно сказали о том, как думают историки, когда они занимаются историей. Иными словами, критика исторического разума не стала для них программой эмпирического исследования зарождающейся системы наук о человеке.

Прошедшее с тех пор столетие создало интеллектуальные условия и выработало технические приемы для более последовательного применения критического подхода к научному мышлению. Главным из этих условий является, несомненно, критика науки, опирающаяся на идею социального конструирования знания и рассматривающая саму науку как одну из культурных практик [8–10]. Иными словами, различные формы релятивизма сегодня в достаточной степени потеснили объективизм, чтобы можно было исследовать основания социальных наук, не особенно заботясь о том, приведет ли такое исследование к доказательству их объективности. В современной эпистемологии произошла своего рода «коперникова революция»: вместо того, чтобы доказывать, что наука создает объективное знание, многие эпистемологи сегодня стремятся скорее выяснить, что именно мы называем знанием и как именно добывают его науки [11, р. 121–123; 12, р. 285–287]. Не связанное требованием «доказательства объективности», исследование науки сегодня естественным образом переориентируется с построения идеальной модели познания на эмпирическое изучение социальных и когнитивных механизмов функционирования науки. Характерно распространение в последнее время таких понятий, как «когнитивная эпистемология», «прикладная эпистемология» и т.д. Именно в этом контексте получает смысл попытка наметить контуры новой программы критики социальных наук, которая поставила бы проблему их оснований с точки зрения не теоретической, а прикладной или дескриптивной эпистемологии как задачу эмпирического исследования, обращающего на социальные науки все разнообра-

*Перерождение неокантианства в неогегельянство отмечали многие современные наблюдатели и позднейшие исследователи. В 1927 г. Г. Леви отмечал эволюцию немецкой философии, и прежде всего неокантианства, в направлении «ярко выраженной диалектической метафизики в духе Гегеля», причем усматривал (на наш взгляд, совершенно справедливо) в этом отнюдь не влияние философской моды, но внутреннюю неизбежность, характеризуя неокантианство как «обреченное на перерождение в гегелевский ренессанс движение» [2, S. 90, 91]. Десятью годами после Леви на эту черту немецкого неокантианства обращал внимание Р. Арон: «Интерпретация Канта в Германии постепенно трансформируется, потому что вместо вопроса: как преодолеть метафизику с помощью критики? — все чаще задается вопрос: как восстановить метафизику после осуждения старой метафизики?» [3, р. 123]. Современные исследователи неокантианства показывают его чрезвычайно гетерогенную интеллектуальную природу и, в частности, постоянное присутствие в нем имплицитных метафизических допущений [4; 5; 6, р. 17–18].

зие методов, ими же самими выработанных для изучения «чужого сознания». Ближайшая задача здесь состоит в постановке проблемы, в обзоре возможной «территории» критики социальных наук, основных тем, которые она может поднять, основных течений мысли, на которые она может опереться, основных методов, которые она может использовать.

Прежде всего, уместно рассмотреть социальные науки как предмет истории и социологии знания, причем с точки зрения различных направлений, сложившихся в этой области исследований. Здесь следует отметить, что социологи обычно предпочитают изучать естественные или точные, а не социальные науки: доказательство тезиса о зависимости науки от идеологического и культурного контекста смотрится гораздо убедительнее на материале, например, математики, нежели истории [13–15]. Но очевидно, что математика — не единственная доступная социологическому анализу наука. Важнейшей задачей историко-социологического изучения социальных наук является установление сложных, но нерасторжимых связей между их интеллектуальной эволюцией и конкретно-историческим контекстом, в котором эта эволюция происходила. Иными словами, мы склонны принять «сильную» программу социологии знания*, что, впрочем, достаточно естественно применительно к социальным наукам.

Поскольку социальные науки являются социальным институтом, одним из измерений их критики является изучение их становления и развития именно как системы учреждений, прежде всего, конечно, изучение ключевых, переломных моментов этого процесса**. Как и обычно, в высшей степени плодотворным может оказаться сравнительный демарш — привилегированное орудие критики всего, что претендует на абсолютность. Важным направлением работы является изучение академического мира как профессиональной и социальной среды, т.е. исследование источников ее формирования, путей социальной мобильности, контактов с другими группами, свойственных ей ценностных ориентаций, особенностей ее самосознания и «презентации себя в повседневной жизни», ее образа в общественном сознании и т.д.*** В последние десятилетия

* О сильной программе см. [13, р. 1–47].

** Так, весьма важны для критики социальных наук исследования по истории университетов, прежде всего — того их периода, когда формировалась дисциплинарная структура современной науки [16–18; 19, р. 33–40; 20, р. 17–35; 21, р. 23–32; 22, р. 113–117; 23, р. 31–54]. К сожалению, гораздо меньше исследована история современных университетов: они, видимо, воспринимаются как явление, до такой степени принадлежащее естественному порядку вещей, что редко возникает желание проблематизировать их. См., однако [24]. Большой интерес представляют исследования, например, о деятельности фондов и ее влиянии на характер развития социальных и гуманитарных наук [25, р. 277–315; 26].

*** При всей очевидности такой постановки вопроса на практике подобное исследование предпринять не всегда легко, особенно применительно к текущей современности, в чем признается, например, автор классической книги о французской исторической школе «Анналов» П. Берк: «С некоторым сожалением я отказался от соблазна написать этнографическое исследование об обитателях дома 54 по бульвару Распай (где расположена Школа высших социальных исследований — главный бастион школы «Анналов». — *Н.К.*) — об их предках, перекрестных браках, партийных раздорах, отношениях клиентов и патронов, стиле жизни, ментальности и так далее» [27, р. 4]. Причины как сожаления, так и отказа легко понять: Берк долгие годы был едва ли не главным «полномочным представителем» школы «Анналов» в Англии. Об этих трудностях см. также размышления П. Бурдьё в «*Homo academicus*» (особенно в предисловии к английскому изданию) [28, р. XI–XXVI, 1–35]. Исследования академи-

историки и социологи науки показали плодотворность изучения таких проблем, как социальные аспекты формирования научных школ, отношения патроната в научном мире, характер академических стратегий, социальные аспекты легитимизации знания и научных достижений, повседневное функционирование научных учреждений и коллективов и т.д. Вместе с тем интеллектуальную эволюцию социальных наук необходимо соотносить с эволюцией других культурных форм (литературы, искусства, интеллектуальной жизни)*, идеологических течений, политических процессов и макросоциальных трансформаций в целом, вписать в контекст истории образования, книгоиздательства, способов чтения, коммуникативных систем и проч. Все это может позволить подойти к проблеме функционирования социальных наук в обществе, связать их эволюцию с историей интеллигенции и богатейшей интеллигентской мифологии**, наконец, открыть один из путей к пониманию форм и механизмов взаимопроникновения «ученого» и «обыденного» сознания [47, р. 707–714], иными словами, к пониманию того, как исторический мир завершается в науках о духе или, в иной терминологии, как научное сознание вырастает из «жизненного мира» ученых.

Однако при всей эффективности исторического и социологического подходов критика социальных наук не может ими ограничиться. Более того, ее главный смысл видится в изучении не столько социальных, сколько интеллектуальных оснований наук о человеке. Именно так, безусловно, понимала дело критическая философия истории. Сегодня же интеллектуальные или, если угодно, когнитивные основания социальных наук в наименьшей степени изучены и даже почти не осознаны в качестве предмета возможного изучения.

Конечно, сама граница между социальными и интеллектуальными основаниями наук более чем относительна. К тому же очевидно, что основания эти плодотворнее изучать во взаимосвязи. Все же в ходе дальнейшего обзора возможной проблематики критики социальных наук мы начнем постепенно смещаться от социальных условий сознания к формам самого сознания. Естественно, что такое смещение осуществимо прежде всего через территории семиологии и лингвистики.

Социальные науки могут быть рассмотрены как символическая форма. Подобно всякому тексту, их дискурс полисемантичен, исследователь говорит о множестве вещей сразу, а не только о том, что буквально содержится в его тексте***. Функции выражения и отражения (иначе говоря, репрезентации и символизации) теснейшим образом переплетаются в социальных науках, как и во всех человеческих творениях, причем, по словам Иньяса Мейерсона, выражается и объективируется в творениях «не какая-либо одна человеческая чер-

ческой среды прошлого даются гораздо легче [29–30; 31, р. 19–39; 32; 33, р. 90–112; 34, р. 77–89; 35; 36, р. 58–85; 37, р. 132–147] (два последних текста перепечатаны в кн. [38]). Особенно яркий случай — многочисленные исследования школы Дюркгейма [39, р. 37–71; 40, р. 267–311; 41, р. 49–82; 42, р. 7–31; 43]. Но уже применение того же подхода к школе «Анналов», когда Э. Кутто-Бегари заговорил об академических стратегиях своих современников и их непосредственных предшественников, вызвало скандал [44].

* См., например, исследование В. Лепениса о генезисе современной социологии в связи с ее отношениями с литературой [45].

** См. попытку проанализировать концепции советской историографии в связи с советской интеллигентской мифологией [46, с. 51–68].

*** Об историографии как семиологической системе см. [48, р. 224–230; 49, с. 170–171].

та, но все человеческое» их создателей [50, р. 69]. Проблема значения при таком подходе оказывается тесно связанной с проблемой целостности человеческого опыта, а следовательно — и с проблемой личности. Как и всякая символическая форма, социальные науки, видимо, располагают разнообразными семиологическими ресурсами для выражения этой целостности. Отсюда — важность изучения семиологических механизмов и семантических структур дискурса социальных наук.

Естественно, это затрагивает семантическую теорию в целом. По-видимому, традиционная лингвистическая триада, разделяющая слово, понятие и вещь, в данном случае оказывается недостаточным инструментом анализа*. Во-первых, она недоучитывает роль лексических связей, во-вторых, основывается на слишком непосредственной апелляции к вещам, в-третьих, не дает сколько-нибудь развитой типологии значений, скрытых за «понятием понятия». Социальные науки дают богатый материал для того, чтобы вновь задуматься над проблемой типологии значений, поскольку сами они в качестве дискурса второй — или даже третьей — степени, в качестве дискурса о дискурсе, причем чрезвычайно комплексного, создают весьма сложную символическую систему, необъяснимую при помощи семантических теорий, стремящихся работать со слишком элементарными, по недоразумению принимаемыми за базовые, формами высказываний. Для критики социальных наук изучение семантических структур научного дискурса может дать своего рода систему координат, позволяющую соотносить между собой различные типы значений, а тем самым структурировать описание разнообразных факторов, влияющих на формирование научных теорий, и связывать критику социальных наук с изучением целостности жизненного опыта.

Лингвистический анализ социальных наук имеет множество измерений. В последние десятилетия лингвистика более, чем другие дисциплины, сделала для изучения того, как функционирует сознание исследователей, занимающихся социальными науками. Речь идет, разумеется, о так называемом «лингвистическом повороте» в социальных науках, впервые, пусть в несколько односторонней форме, осуществившем переход от теоретического обоснования существования априорных условий познания общества к эмпирическому исследованию, исходящему из конструктивистской гипотезы**.

Разумеется, под именем лингвистического поворота скрывается разнообразие теоретических ориентаций, и следует, видимо, попытаться использовать возможности всех подходов, от структуралистских до прагматических, к тому, что обычно называют поэтикой или риторикой знания. Изучение дискурса социальных наук предполагает, в частности, анализ системы исследовательских жанров и их разрешающих способностей как формата научной проблематики,

* Критику семиологической триады см. [51, р. 5–39]. Попытку отказаться применительно к основным историческим понятиям от идеи семиологической триады предпринял Р. Козелек [52, S. 84].

** О лингвистическом повороте в историографии, где он проявился в наибольшей степени, см.: [38, р. 126–144; 53; 54, р. 90–117; 55, р. 879–907; 56, р. 137–153; 57, р. 59–86; 58, р. 194–208; 59, р. 522–572; 60, р. 405–424; 61, р. 425–439; 62, р. 163–193; 63; 64, р. 557–570; 65]. Укажем и некоторые примеры исследований других социальных наук в русле лингвистического поворота [66–70].

их роли в формировании понятийного аппарата и структуры научной мысли (но также и их связь с социальным функционированием и организацией науки, социализацией исследователей и т.д.)*. Интересные результаты приносит изучение так называемых глубинных структур научного дискурса, в частности, тропологических структур, т.е. навязываемых нам языковым опытом базовых фигур мысли, таких, как метафора или метонимия**. К глубинным структурам дискурса можно отнести также нарративные и дескриптивные механизмы. Проблема повествования как когнитивной формы явилась важнейшей темой исследования как для аналитической философии истории, так и для лингвистического поворота [72–74; 75, р. 24–47; 76, р. 129–149; 77, р. 54–70; 78; 79, р. 1–33; 80; 81]. Напротив, анализ дескриптивных механизмов привлек гораздо меньше внимания***. Далее, возможно изучение особенностей системы грамматических времен, используемых в дискурсе социальных наук. Отсюда лежит путь к анализу более поверхностных лингвистических механизмов, с которыми грамматические времена взаимодействуют в создании специфических эффектов правдоподобия, подобных «эффекту реального», описанному Роланом Бартом [84, р. 65–75]. Однако «эффект реального» — далеко не единственный лингвистический прием, входящий в арсенал персуазивных средств социальных наук****. Проблема языковых средств, позволяющих дискурсу социальных наук «подавать себя» в качестве научного дискурса, противостоящего литературе, — один из центральных сюжетов поэтики знания [86, р. 21, 33–34]. Здесь эффективно изучение способов косвенной речи, цитирования, использования примечаний, — словом, всех приемов формирования авторского «я» [82]. Не последнее место среди таких приемов занимает подспудная ориентация на определенный эстетический опыт, опыт репрезентации реальности в визуальных искусствах, что также позволяет по-разному объективировать дискурс [87, р. 16–17]. Анализ этих лингвистических приемов позволяет подойти к одной из важнейших проблем критики социальных наук — проблеме различных способов полагания ими реальности и функционирования категории реальности в их дискурсе.

Упомянув о визуальных искусствах, мы перешли к проблеме метафор, которая занимает особое место среди проблем лингвистики социальных наук, причем не только с точки зрения стилистики, но и с точки зрения когнитивного исследования, поскольку метафоры обладают не только орнаментальными, но и когнитивными функциями****. Речь, в частности, идет о так называемых «регулятивных метафорах среднего уровня», нередко определяющих логику наших

* См., например, анализ становления жанров позитивистской историографии [36; 37].

**В классической работе Х. Уайта, открывшей лингвистический поворот в американской историографии, показана связь между типичными для историков и философов истории XIX в. фигурами мысли и риторическими тропами. Марксизм, например, интерпретируется Х. Уайтом как типичный случай метонимического мышления, иными словами, подстановки части в качестве целого при анализе социальной системы [71].

***Р. Козеллек подчеркивал относительную независимость описания структур от рассказа о событиях в истории, но не углубился в исследование конкретных дескриптивных механизмов [52, р. 105]. Ф. Каррар подчеркивал различие между описанием и повествованием в историографии [82, р. 36–47; 83].

****Ср. эффект «пребывания там», обнаруженный К. Гирцем в работах крупнейших антропологов от Дюркгейма до Леви-Стросса [85].

****Обзор использования метафор для репрезентации истории см. [88].

рассуждений, таких, например, метафор, как пространственные, органические, механистические, гидравлические и т.д. [89, р. 8]*. Наконец, к лингвистике социальных наук относится и семантика исторических понятий, в последнее время под влиянием фундаментального немецкого издания «*Базовые исторические понятия*» привлекающая все большее внимание исследователей [90–93; 94, р. 2–6]. Здесь от проблематики лингвистики намечается переход к проблемам логики.

Лингвистический анализ социальных наук, безусловно, не исчерпывает всех возможностей изучения мышления исследователей. Вопреки устойчивой традиции, мышление вряд ли сводимо к языку или какой-либо пропозиционной форме, построенной по образцу языка, точно так же, как и сам язык не сводим к замкнутой системе знаков [7]. Ряд исследований, осуществленных в перспективе лингвистического поворота, показывает, что анализ лингвистических механизмов мышления сплошь и рядом ведет за пределы языка, к тем внеязыковым формам мысли, с которыми в реальной работе сознания постоянно взаимодействуют лингвистические механизмы**. Изучение этого взаимодействия — одна из важнейших проблем критики социальных наук, не объяснимых из анализа чисто дискурсивных механизмов.

Эта проблема имеет непосредственное отношение и к логике социальных наук. Разные формы мысли имеют, возможно, присущие им различные логики, основанные на разных формах опыта, порождающих разные базовые очевидности и разные критерии возможного, которые далеко не всегда совместимы друг с другом или переводимы друг в друга. Конфликты логик, присущих разным формам мысли, возможно, ответственны за многие противоречия в мышлении, и тем более они достойны изучения применительно к социальным наукам, многие понятия которых выглядят логическими монстрами вопреки всем претензиям на научность (а порой благодаря им).

Через анализ языкового уровня открывается, таким образом, путь к пониманию внеязыковых механизмов мышления. Так, Поль Рикер показал, что специфика нарративных механизмов связана с внутренним опытом времени, который, конечно же, не сводим к лингвистическому опыту [81]. Однако проблема темпоральных моделей, подлежащих мышлению исследователей, гораздо шире, поскольку внутренний опыт времени, в свою очередь, едва ли сводим к «августинскому парадоксу» прерывности/непрерывности и, следовательно, в разных формах может сказываться на самых различных фигурах мысли, — про-

*См. также анализ Кельнером метафорических структур исторической мысли Ф. Броделя [89, р. 153–187]. О роли метафор (в частности, «метафор пути» — своего рода имплицитных теорий об устройстве мира) в социологическом дискурсе см. [66, р. 77–171].

**Так, Ф. Анкерсмит, настаивавший на необходимости ввести для объяснения возможности конструирования и понимания исторических текстов особую логическую структуру — так называемую «нарративную субстанцию» (то есть некоторые общие понятия типа понятия Возрождения, которые уже как бы содержат в себе собственное описание), в недавней работе подчеркивает, что между общими принципами организации текста и живописью имеется непосредственное структурное сходство [63, р. 212–240; 95]. Е. Топольски говорит об исторических образах, выполняющих в историческом дискурсе ту же организующую функцию, что и нарративные субстанции Анкерсмита [96, р. 16, 43].

блема, лишь в самые последние годы попавшая в поле зрения исследователей [97, р. 227–251; 98, с. 296–323].

Ряд исследователей метафор полагает, что метафоры выражают структуры внеязыкового опыта, в том числе и опыта пространства [99; 100]. Изучение ментального пространства имеет очень солидную традицию в философии и когнитивной психологии, которая весьма важна для критики социальных наук. Последние неизбежно используют разные формы репрезентации физического пространства, но еще важнее то, что пространственный опыт влияет на концептуализацию внепространственных, в том числе абстрактных объектов. Иными словами, пространственные образы оказываются аналогами научных понятий, причем порой складывается впечатление, что именно они выступают единственными референтами этих последних*. Такое присутствие в понятиях пространственного опыта неизбежно сказывается на их семантических структурах, а тем самым — и на логике социальных наук в целом [101, с. 34–36]. Изучение этих пространственных паралогик в их взаимодействии с другими, в том числе и лингвистическими формами внутренних репрезентаций, — одна из перспективных тем исследования сознания.

Особую группу когнитивных механизмов составляют механизмы классификации, которые, видимо, сложились на основе разных форм мысли и внутреннего опыта. То, как классификационные механизмы работают в сознании субъектов социальной жизни, давно изучается комплексом дисциплин, занимающихся социальным познанием. Но, разумеется, эти же механизмы, хотя, возможно, и несколько иначе, работают и в сознании самих исследователей, и последствия этой работы также подлежат изучению**. Все это показывает, что за лингвистикой дискурса социальных наук открывается широкое и почти не освоенное пространство их когнитивного исследования [110, р. 263–268].

Таковы некоторые (конечно, далеко не все) возможные направления критики социальных наук. Предлагаемая программа основана на объединении различных подходов к изучению сознания вокруг критической перспективы. Теоретическая предпосылка такого объединения состоит в осознании необходимости изучения познающего субъекта в его тотальности, во взаимосвязи различных форм его бытия, внутреннего опыта, мысли. Познающий субъект не сводим ни к трансцендентальному эго, ни к «человеку социальному», ни к замкнутой вселенной дискурса. Погруженный в мир и одновременно противопоставленный ему, он в полном смысле является «субъектом-в-мире». В области метода идея

* Таков, например, случай современного понятия истории, наиболее очевидным референтом которого представляется пространственный образ истории [49, с. 169–170].

** Поясним это на самом общем примере. Какая бывает история? Древняя, средневековая, новая и новейшая. Или: первобытного, рабовладельческого, феодального и капиталистического общества (по всей вероятности, список можно не продолжать). Или: экономическая, социальная, политическая и культурная. Историческая протяженность бывает длительной, средней или краткой (Ф. Бродель, естественно, отмечал, что протяженностей на самом деле множество, но работал все же с тремя). Такими же бывают экономические циклы. Общество состоит из духовенства, дворянства и третьего сословия, или из дворянства, крестьянства, буржуазии и пролетариата, или из высшего, среднего и низшего классов. Во всех этих примерах число составляющих целое элементов не превышает трех-четырех. Самые дробные из известных нам социальных классификаций не превышают семи-девяти элементов. Если же

тотальности познающего субъекта предполагает необходимость преодоления границ между подходами отдельных дисциплин. Одним из важных открытий социальных наук XX века явилась идея тотального социального факта. Именно как к тотальному факту, ядром которого является сознание исследователей, следует, вероятно, относиться и к самим социальным наукам. Возможно ли при этом сохранение идентичности социальных исследований, остается под вопросом. Вероятно, критика социальных наук может привести к их преодолению как культурной формы.

Литература

1. Копосов Н. Е. Дюркгейм и кризис социальных наук // Социологический журнал. 1998. № 1 - 2.
2. Levy H. Die Hegel-Renaissance in der deutschen Philosophie mit besonderer Berücksichtigung des Neukantianismus. Charlottenburg: Pan-Verlag Rolf Heise, 1927.
3. Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire: Essai sur les limites de l'objectivité historique. Paris: Gallimard, 1986.
4. Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
5. Wagner G. Geltung und normativer Zwang: Eine Untersuchung zu den neukantianischen Grundlagen der Wissenschaftslehre Max Webers. Freiburg, München: Alber, 1987.
6. Mesure S. Dilthey et la fondation des sciences historiques. Paris: P.U.F., 1990.
7. Копосов Н. Е. Замкнутая вселенная символов: К истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. 1997. № 4.
8. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
9. Foucault M. Les mots et les choses. Paris: Gallimard, 1966.
10. Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969.
11. Gettier E. L. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23. № 6.

элементов оказывается больше, они неизбежно объединяются в несколько категорий более высокого порядка [102, р. 377–396; 103, р. 68]. Респонденты современных социологических опросов выделяют в современном обществе от 2 до 11 групп [104, р. 76], но последнее редкость, кроме того, здесь может вмешиваться механизм открытого списка. Респонденты Э. Ботт в зависимости от типа их видения общества выделяли в разных случаях от 2-3 до 4-8 категорий [105, р. 175–178]. Четыре класса в современном обществе выделяет П. А. Сорокин [106, р. 273]. Детальный анализ французского общества XVII в. приводит Р. Мунье к необходимости выделить 9 «страт» [107]. Но почему и субъекты социальной жизни, и сами исследователи всегда работают с ограниченным (и всегда на примерно одном и том же уровне) количеством категорий, на которые разлагается то или иное целое? Конечно, не потому, что история на самом деле была древней, средневековой, новой и новейшей, а общество состоит из высшего, среднего и низшего классов. Скорее, существует определенный порог различения, свойственный нашему когнитивному аппарату, определенный интеллектуальный стандарт, форма разума, схема, априори, гештальт или что-нибудь в этом роде, что налагает ограничения на нашу способность представить себе историю, общество или иные абстрактные объекты. Психологам известны такого рода ограничения. О них, например, писал Дж. Миллер в знаменитой статье «Магическое число семь» [108, р. 81–96]. Более поздние работы показали, что этот порог несколько меньше семи, скорее всего, он равен шести, но иногда достигает девяти [109, р. 163]. Не вдаваясь сейчас в обсуждение достаточно спорного вопроса о происхождении этих ограничений, отметим, что связь с ними некоторых формальных сторон понятийного аппарата социальных наук не кажется невероятной. Напротив, было бы странно, если бы научные понятия не отражали некоторых особенностей нашего когнитивного аппарата.

12. Edidin A. What Epistemologist Has To Do? // *American Philosophical Quarterly*. 1994. Vol. 31. № 4.
13. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.
14. Holton G. *The Scientific Imagination: Case studies*. Cambridge: Cambridge U.P., 1978.
15. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage Publications, 1979.
16. McClelland C. E. *State, Society and University in Germany, 1700–1914*. Cambridge: Cambridge U.P., 1980.
17. Weisz G. *The Emergence of Modern Universities in France, 1863–1914*. Princeton: Princeton U.P., 1983.
18. Clark T. N. *Prophets and Patrons: The French University and the Emergence of the Social Sciences*. Cambridge (Mass.): Harvard U.P., 1973.
19. Karady V. Naissance de l'ethnologie universitaire // *L'Arc*. 1972. № 48.
20. Karady V. Le problème de la légitimité dans l'organisation historique de l'ethnologie française // *Revue française de sociologie*. 1982. Vol. 23. № 1.
21. Karady V. Durkheim et les débuts de l'ethnologie universitaire // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1988. № 74.
22. Le Van-Lemesle L. L'économie politique à la conquête d'une légitimité, 1896–1937 // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1983. № 47–48.
23. Blanckaert C. *Fondements disciplinaires de l'anthropologie française au XIXe siècle: Perspectives historiographiques* // *Politix: Travaux de science politique*. 1995. Vol. 29.
24. Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge (Mass.); London: Harvard U.P., 1996.
25. Fisher D. *American Philanthropy and the Social Sciences in Britain, 1919–1939: The Reproduction of a Conservative Ideology* // *Sociological Review*. 1980. Vol. 28. № 2.
26. Mazon B. *Aux origines de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales: Le rôle du mécénat américain (1920–1960)*. Paris: Cerf, 1988.
27. Burke P. *The French Historical Revolution: The Annales School, 1929–89*. Cambridge: Polity Press, 1990.
28. Bourdieu P. *Homo Academicus*. Cambridge: Polity Press, 1990.
29. Ringer F. *The Decline of German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933*. Cambridge (Mass.): Harvard U.P., 1969.
30. Ringer F. *Fields of Knowledge: French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890–1920*. Cambridge; Paris: Cambridge; U.P., M.S.H., 1992.
31. Clark T. N., Clark P. Le patron et son cercle: Clef de l'Université française // *Revue française de sociologie*. 1971. Vol. 12. № 1.
32. Kaylor W. R. *Academy and Community: The Foundation of the French Historical Profession*. Cambridge (Mass.): Harvard U.P., 1975.
33. Karady V. Les professeurs de la République: Le marché scolaire, les réformes universitaires et les transformations de la fonction professorale à la fin du XIXe siècle // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1983. № 47–48.
34. Charle C. Le champ universitaire parisien à la fin du XIXe siècle // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1983. № 47–48.
35. Charle C. *Naissance des «intellectuels». 1880–1900*. Paris: Minuit, 1990.
36. Charle C. *Naissance du métier d'historien* // *Genèses*. 1990. № 1.
37. Noiriel G. Le jugement des pairs: La soutenance de thèse au tournant du siècle // *Genèses*. 1991. № 5.
38. Noiriel G. *Sur la «crise» de l'histoire*. Paris: Berlin, 1996.
39. Clark T. N. *Emile Durkheim and the Institutionalization of Sociology in the French University System* // *Archives européennes de sociologie*. 1968. Vol. 9. № 1.
40. Karady V. Durkheim, les sciences sociales et l'Université: Bilan d'un semi-échec // *Revue française de sociologie*. 1976. Vol. 17. № 2.
41. Karady V. *Stratégies de réussite et modes de faire-valoir de la sociologie chez les durkheimiens* // *Revue française de sociologie*. 1979. Vol. 20. Ns 1.

42. Besnard P. La formation de l'équipe de l'Année sociologique // *Revue française de sociologie*. 1979. Vol. 20. № 1.
43. Mucchielli L. La découverte du social: Naissance de la sociologie en France (1870–1914). Paris: La Découverte, 1998.
44. Coutau-Begarie H. Le phénomène Nouvelle Histoire: Stratégie et idéologie des nouveaux historiens. Paris: Economica, 1983.
45. Lepenies W. Die Drei Kulturen. München; Wien: Hanser, 1985.
46. Копосов Н. Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм: К анализу ментальных основ историографии // *Одиссей* 1992. Москва: Круть, 1994.
47. Kharaeva D. La mythologie commune des Soviétiques et des soviétologues // *Revue des études slaves*. 1993. T. 65. Fasc. 4.
48. Kopussov N. Dos au vent: Une histoire sans surveillance // *EspacesTemps*. 1995. № 59–61.
49. Копосов Н. Е. О невозможности микроистории // *Историк в поиске* / Ред. Ю. Л. Бесмертный. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1999.
50. Meyerson I. Les fonctions psychologiques et les oeuvres. Paris: Vrin, 1948.
51. Rastier F. La triade sémiotique, le trivium et la sémantique linguistique // *Nouveaux actes sémiotiques*. 1990. № 9.
52. Koselleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
53. *Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives* / Eds. D. LaCapra, S. L. Kaplan. Ithaca; London: Cornell U.P., 1982.
54. Partner N. F. Making Up Lost Time: Writing on the Writing of History // *Speculum*. 1986. Vol. 61. № 1.
55. Toews J. W. Intellectual History after the Linguistic Turn: The Autonomy of Meaning and Irreducibility of Experience // *The American Historical Review*. 1987. Vol. 92. № 4.
56. Ankersmit F. R. *Historiography and Postmodernism* // *History and Theory*. 1989. Vol. 28. № 2.
57. Spiegel G. History, Historicism and the Social Logic of the Text in the Middle Ages // *Spéculum*. 1986. Vol. 65. № 1.
58. Spiegel G. History and Postmodernism // *Past and Present*. 1992. № 135.
59. Novick P. *That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession*. Cambridge; New York: Cambridge U.P., 1988.
60. Jacoby R. A New Intellectual History? // *The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. № 2.
61. LaCapra D. Intellectual History and its Ways // *The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. № 2.
62. Eley G. De l'histoire sociale au 'tournant linguistique' dans l'historiographie anglo-américaine des années 1980 // *Genèses*. 1992. № 7.
63. *A New Philosophy of History* / Eds. F. Ankersmit, H. Kellner. London: Reaction Books, 1995.
64. Iggers G. G. Zur 'Linguistischen Wende' im Geschichtsdanken und in der Geschichtsschreibung // *Geschichte und Gesellschaft*. 1995. Vol. 21.
65. Munslow A. *Deconstructing History*. London; New York: Routledge, 1997.
66. Brown R. H. *A Poetic for Sociology: Towards a Logic of Discovery for the Human Sciences*. Cambridge; London; New York: Cambridge U.P., 1977.
67. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* / Eds. J. Clifford, G. E. Marcus. Berkeley: University of California Press, 1984.
68. *The Rhetoric of the Human Sciences* / Eds. J. S. Nelson, A. Megill, D. N. McCloskey. Madison: The University of Wisconsin Press, 1987.
69. *Rhetoric in the Human sciences* / Ed. H. W. Simons. London: Sage Publications, 1989.
70. Atkinson P. *The Ethnographic Imagination: Textual Constructions of Reality*. London; New York: Routledge, 1990.
71. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; London: The John Hopkins U.P., 1973.
72. Gallie W. B. *Philosophy and the Historical Understanding*. New York: Schocken Books, 1964.

73. Danto A. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge: Cambridge U.P., 1965.
74. White M. *Foundations of Historical Knowledge*. New York: Harper and Row, 1965.
75. Mink L. O. *The Autonomy of Historical Understanding // History and Theory*. 1965. Vol. 5. № 1.
76. Mink L. O. *Narrative Form as a Cognitive Instrument // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding / Eds. R. H. Canary, H. Kozicki*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1978.
77. Louch A. R. *History as Narrative // History and Theory*. 1969. Vol. 8. № 1.
78. Veayne P. *Comment on écrit l'histoire*. Paris: Seuil, 1971.
79. White H. *The Question of Narrative in Contemporary Historical Theory // History and Theory*. 1984. Vol. 23. № 1.
80. Carr D. *Time, Narrative and History*. Bloomington: Indiana U.P., 1986.
81. Ricoeur P. *Temps et récit*. Vol. 1-3. Paris: Seuil, 1983-1985.
82. Carrard P. *Poetics of the New History: French Historical Discourse from Braudel to Chartier*. Baltimore; London: The John Hopkins U.P., 1992.
83. Newman F. D. *Explanation by Description: An Essay on Historical Methodology*. The Hague; Paris: Mouton, 1968.
84. Barthes R. *Le discours de l'histoire // Social Science Information*. 1967. Vol. 6. № 4.
85. Geertz C. *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Cambridge; Oxford: Polity Press, Blackwell, 1988.
86. Rancière J. *Les mots de l'histoire: Essai de poétique du savoir*. Paris: Seuil, 1992.
87. Gossman L. *History and Literature: Reproduction and Signification // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding / Eds. R. H. Canary, H. Kozicki*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1978.
88. Demandt A. *Metaphern für Geschichte: Sprachbilder und Gleichnisse im historisch-politischen Denken*. München: Beck, 1978.
89. Kellner H. *Language and Historical Representation: Getting the Story Crooked*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1989.
90. *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Eds. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck*. Vol. 1-8. Stuttgart: Klett, 1972-1993.
91. *Historische Semantik und Begriffsgeschichte / Ed. R. Koselleck*. Stuttgart: Klett, 1979.
92. Richter M. *The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction*. New York; Oxford: Oxford U.P., 1995.
93. *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*, German Historical Institute: Occasional paper n. 15 / Eds. H. Lehmann, M. Richter. Washington, 1996.
94. Kopussov N. *A Comparative Dictionary of Basic Historical Terms // History of Concepts Newsletter*. 1998. № 1.
95. Ankersmit F. R. *Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language*. The Hague; Boston; London, 1983.
96. Topolski J. *A Non-Postmodernist Analysis of Historical Narratives // Historiography between Modernism and Postmodernism: Contributions to the Methodology of the Historical Research / Ed. J. Topolski*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1994.
97. Grénier J.-Y. *Expliquer et comprendre: La construction du temps de l'histoire économique // Les formes de l'expérience: Une autre histoire sociale / Ed. B. Lepetit*. Paris: Albin Michel, 1995.
98. Хапаева Д. *Прошлое как вызов истории: Послесловие переводчика // Нора П. и др. Франция—память*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
99. Black M. *Models and Metaphors*. Ithaca; London: Cornell U.P., 1962.
100. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980.
101. Копосов Н. Е. *Основные исторические понятия и термины базового уровня: К семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. № 4.
102. Runciman W. G. *How Many Classes Are There in Contemporary British Society? // Sociology*. 1990. Vol. 24. № 3.

103. Desrosières A., Thévenot L. Les catégories socio-professionnelles. Paris: La Découverte, 1988.
104. Coxon A. P. M., Davies P. M., Johns C. L. Images of Social Stratification: Occupational Structures and Class. London; Beverly Hills: Sage Publications, 1986.
105. Bott E. Family and Social Network: Roles, Norms, and External Relationships in Ordinary Urban Families. London, 1971.
106. Sorokin P. A. Society, Culture, and Personality. New York, 1962.
107. Mousnier R. Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles. L'échantillon de 1634, 1635, 1636. Paris: Pédone, 1975.
108. Miller G. A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information // Psychological Review. 1956. Vol. 63. № 2.
109. Chaudon J. L., Pinson S. Analyse typologique. Paris; New York, 1981.
110. Kopussov N. Vers l'anthropologie de la raison historique // Historia a debate / Ed. C. Barros. Vol. 1. Santiago de Compostela, 1995.